

19. Соколов, В.С. Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии // Вестник древней истории. - 1959. - № 4.
20. Сталин, И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. - М.: Госполитиздат, 1939.
21. Удальцова, З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV - VII вв.). - М.: Наука, 1974.
22. Удальцова, З.В. Мироззрение Аммиана Марцеллина // Византийский временник. - 1968. - Вып. 28.
23. Федорова, Е.Л. Бунты черни в "Деяниях" Аммиана Марцеллина // Личность - идея - текст в культуре средневековья и Возрождения. - Иваново: Издательство Ивановского государственного университета, 2001.
24. Федорова, Е.Л. Война в "Деяниях" Аммиана Марцеллина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2003.
25. Федорова, Е.Л. Личность и толпа как участники политических конфликтов у Аммиана Марцеллина // Социально-политические конфликты в древних обществах. - Иваново: Издательство Ивановского государственного университета, 2001.
26. Холмогоров, В.И. Римская стратегия IV в. н.э. у Аммиана Марцеллина // Вестник древней истории. - 1939. - № 3.
27. Чиненов, Д.В. Роль двора и придворных в императорских репрессиях (по данным "Деяний" Аммиана Марцеллина) // Университетский вестник: Альманах / Под ред. Э.Д. Фролова. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2003.
28. Barnes, T.D. The sources of the Historia Augusta // Collection Latomus. - 1978. - Vol. 155.
29. Stein, E. Geschichte des spatromischen Reiches. Bd. 1. Vom Romischen zum Byzantinischen Staate (284 - 476 n. Chr.). - Wien: Verlag von L.W. Seidel & Sohn, 1928.
30. Syme, R. Ammianus and the Historia Augusta. - Oxford: Clarendon Press, 1968.
31. Thompson, E.A. The historical work of Ammianus Marcellinus. - Cambridge: Cambridge University Press, 1947.

О.А. Алексеева

РЫБОЛОВЕЦКИЙ ПРОМЫСЕЛ В ПСКОВСКОМ КРАЕ В XVIII в.

Особенности географической среды Псковского края наложили отпечаток на промысловую деятельность населения. Обилие рек и озер, а так же наличие таких крупных водоемов как Псковское и Чудское озеро привели к развитию здесь рыболовного промысла. Товарное использование водоемов складывалось веками.

Рыба являлась одним из основных продуктов питания [18, С. 18], и, поэтому существовала постоянная потребность населения в ней. Особенно это было важно в связи с развитием городов, строительством Санкт-Петербурга и появлением новых торгово-промышленных центров. Так же потребление рыбы было связано с культурно-религиозными особенностями средневекового быта, когда в определенные дни и во время постов было запрещено потребление мяса животных. Особенно это было важно для монастырей, где употребление мяса было запрещено, что определило развитие монастырского рыболовного промысла [5, С. 25.].

Поступление отдельных видов рыбы к населению является сезонным, что связано как с ее биологическими особенностями, так с особенностями самого промысла. Организация промысла слабо менялась и оставалась традиционной вплоть до начала XX в.

Изучение рыболовства в России началось во второй половине XIX в. в связи с общим исследованием промысловой деятельности населения с использованием статистических методов. Работа по описанию этого занятия населения велась местными статистическими комитетами, которые фиксировали состояния промыслов в губерниях, в результате чего был издан ряд работ местного характера. Во второй половине XIX - начале XX вв. работала и общерос-

сийская комиссия Н.Я. Данилевича, изучавшая рыболовство в основных водоемах страны. Итогом ее работы стала публикация многотомного "Описания рыболовства", в котором Северо-Западному региону, представленному озерами и реками Петербургской и Новгородской губернии, был посвящен отдельный том [9]. В нем содержатся описания озер, рыболовецкой техники и технологии, а так же технологии обработки и хранения рыбы. В общероссийском масштабе история рыболовства XIX в. нашла отражение в работах Л.П. Сабанеева, который изучил современную ему рыбную ловлю с привлечением значительного этнографического материала [24]. Этнографический материал, касающийся рыболовного промысла, был использован в работе Д. К. Зеленина [11].

Наиболее значимым для Псковского региона в XVIII - XIX вв. считался лов снетка. Но в XIX в. наблюдается уменьшение его количества. В связи с этим, была организована деятельность комиссий по изучению причин ухудшения лова снетка в Псковском озере, которую возглавил К.М. Бер. По окончании ее работы главой комиссии были опубликованы "Материалы для истории рыболовства" [6], в которых содержался исторический очерк развития этого промысла в Европе и России, анализ законодательства о рыбном промысле. В ходе экспедиции К. М. Бера, был собран, систематизирован и опубликован материал, касающийся флоры и фауны Псковского озера, а так же состояния рыболовного промысла на конец XIX - начало XX вв. На основе сравнения исторического развития рыболовецкого промысла в России и Европе (прежде всего в скандинавских странах), он сформулировал некоторые принципы, которые, по его мнению, должны были быть положены в основу организации рыбного промысла в России. Общая характеристика рыболовецкого промысла Озерной области содержится в "Полном географическом описании нашего Отечества" [23].

Основными исследователями рыболовного промысла в Псковской губернии XIX в. были И. И. Василев [8], К.Г. Евлентьев [10], М. С. Князев [14] и Н. А. Строкин [28]. И. И. Василев рассмотрел особенности распространения рыбного промысла в Псковском крае, его районирование, особенности организации этого промысла на Псковском озере, типы и состав рыболовецких снастей, состав уловов, а так же вопросы переработки рыбы и торговли ею в Псковском крае. Н. А. Строкин исследовал вопросы рыболовецкого инвентаря, выявил особенности сезонной рыбной ловли, а так же определил количественный и функциональный состав рыболовецких артелей. М. С. Князев изучил особенности организации снеткового промысла (время лова, инвентарь и состав артелей) населения Псковского озера. К.Г. Евлентьев рассматривал современное развитие хозяйства Александровского посада Талабских островов. Сведения о хозяйственной организации рыболовецкого промысла населения Талабских островов, а так же этнографический материал представлены в работе "Талабские острова" [29].

В советской историографии во многих работах, посвященных промысловым занятиям населения, упоминалось о значении рыболовства для народного хозяйства [22]. Организации и развитию рыбной ловли в средневековый период был посвящен ряд статей А. В. Куза [15, 16, 30]. Е. В. Салмина на основе археологического материала исследовала развитие рыболовства Псковщины до XVIII в. [25, 26, 27]. Изучая коллекцию псковского рыболовного инвентаря, она выявила особенности его типологии. На основе ихтиологических останков, автор реконструировала особенности потребления псковичами рыбы. Сочетая сведения письменных и археологических источников, локализовала ряд рыболовецких промысловых поселений (исадов) Псковского края. В "Историко-этнографических очерках" на основе материалов о рыболовном промысле в XIX в. была описана его организация, инвентарь и устройство артелей [13].

Таким образом, налицо неравномерность в исследовании истории рыболовецкого промысла. В большей степени он изучался на основе археологического материала для периода до XVIII и на основе статистического и этнографического материала для XIX - начала XX в. Специального исследования, посвященного истории рыболовства Псковского края XVIII в., написано не было.

Но источниковая база позволяет изучить особенности рыболовного промысла и торговли рыбой в Псковском крае XVIII в. Основными источниками для этого являются окладные

книги, которые как исторический источник слабо исследованы. Исключение составляют псковские окладные книги XVII в., которые изучались Э. Л. Моппелем [19, 20, 21].

Нами были изучены "Ведомости Опочецкой воеводской канцелярии о сборе денег с рыбных ловель, рублевых бань и оброчных угодий" от 10 мая 1729 г. [2], "Ведомости и рапорты Заволочской канцелярии Пусторжевского уезда о сборе денег с рыбных ловель, мельниц и пчельников за 1728, 1732 г." [1], "Книга по сбору оброчных денег с рыбных ловель, мельниц, бортничьих угодий за 1733 г." [3], "Книга окладная канцелярского сбора с рыбных ловель, оброчных угодий и бань пригорода Изборска за 1740 г." [4]. Фактическое поступление налогов от рыболовецкого промысла отражено в "Ведомостях Опочецкой воеводской канцелярии" за 1729 г., "Окладной книге за 1737 г." и "Книге окладной... пригорода Изборска" за 1740 г. В окладных книгах фиксировались и недоимки по оброчным статьям. Так, в "Ведомостях и рапортах... Пусторжевского уезда за 1728 г., 1732 г." представлены сведения о задолженности за 1728 г. (только размер недоимки) и фактическое поступление окладных сборов с населения за 1731 г. А в "Книге по сбору оброчных денег... за 1733 г." содержатся данные о недоимках населения Псковского уезда по окладным сборам за период с 1724 - 1731 гг., которые представлены сведениями о задолжниках (имя, статус, место жительства), размере задолженности и причинах ее образования. В окладных книгах недоимки с промысла фиксировались с рыбных ловель, с рыбных промышленников и с рыбных ловцов. То есть налоги брали с тех, кто владеет ловлею и с тех, кто фактически ею пользуется.

Окладные книги являются финансовым документом, поэтому они имеют ряд особенностей. Например, основным назначением книг была фиксация населения, которое должно было платить оклад с арендованных угодий, поэтому сведения о плательщиках представлены полно (имя, статус и место жительства). В то же время сведения о ловлях достаточно скудны. При перечислении ловель в источнике не указывался их размер и границы, а только фиксировались водные угодья (обычно озера и реки), входившие в их состав. Это затрудняет локализацию конкретных ловель, но по названию водных объектов позволяет (правда не всегда) установить их примерное место положения. По данным окладных книг невозможно выделить и факторы, влиявшие на размер оклада. Э. Л. Моппель считает, что размер оклада устанавливался на основе договора администрации и арендатора [19, С. 8].

Тем не менее, данные окладных книг могут дать представление о распространении рыбного промысла в Псковском крае и его организации: расположении используемых ловель, количестве и социальном составе населения, занятого этим промыслом, количество ловцов и рыбных промышленников, их социальный состав, а так же размер оклада с рыболовного промысла.

Е. В. Салмина, изучая рыболовный промысел Псковского края в средневековый период, выявила основные этапы его развития. Так, выделение "рыболовства в самостоятельную профессию и отрасль экономики средневекового города" на Псковщине происходило во второй половине XIII - первой половине XIV вв., а в позднесредневековый период формируется "разветвленная система рыболовных поселений и скрупулезная фиксация рыболовных угодий" [26, С. 20.].

Необходимо отметить, что до XVIII в. законы практически не касались этого промысла, исключая Соборное уложение 1649 г. В XVIII в. законодательное регулирование рыболовецкого промысла выразилось в попытках упорядочения налогообложения и порядка владения ловлями.

Первым актом XVIII в. о рыболовецком промысле стал указ 1704 г., по которому рыбные ловли, а так же бани, мельницы и т. п. были отданы на откуп. По сведениям К. М. Бера, основанием для установления оклада стали сведения о доходности рыбных ловель в предыдущем 1703 и текущем 1704 гг. [6, С. 498.]. В этом же указе запрещалось употребление самоловов (это "снаряд, состоящий из длинной веревки, по длине которой на некотором расстоянии друг от друга идет множество тонких и недлинных нитей с острыми крючками на концах... их острия сами собой вонзаются в рыбу, когда она проплывает мимо и задевает их") [6, С. 499.], в которые попадалась и крупная и мелкая рыба. Но уже в следующем году их употребление было разрешено, при условии определенной надбавки к арендной плате. Таким образом, в

петровское время на законодательное регулирование рыбного промысла повлияли финансовые затруднения, связанные с внешней политикой, а так же стремление государства контролировать частную жизнь общества. В 1719 г. на всем течении р. Невы была введена беспощадная ловля рыбы, что К. М. Бер связывал с ростом г. Петербурга и необходимостью обеспечения его жителей продуктами питания.

В 1727 г. была введена фиксированная плата за аренду ловель, "без публичных торгов и без соперничества арендаторов" [6, С. 499.]. Но на местном уровне это не всегда выполнялось, так как в "окладной книге" пригорода Изборск за 1740 г. содержатся сведения о смене арендаторов ловель с указанием размера наддачи [4, Лл. 7-8 об.].

Ко времени Екатерины II государство стало расценивать рыбные ловли различных владельцев (городов, помещиков и селян) как их частную собственность [6, С. 500.]. Помимо этого, рядом частных законов (1719 - для р. Невы и 1762 г. - для оз. Ильмень и Ладоги) признавалась свобода лова рыбы в крупных водных массивах, не принадлежащих одному владельцу. Размеры ловель в таких массивах определялись на основе традиций, то есть берегового права, при котором признавалось исключительное право владельца на рыбную ловлю в водах, омывающих берега его земли [6, С. 501.]. Но даже в XIX в. законодательно не было определено, как далеко должно простираться это право. Установление этого отдавалось на усмотрение местной администрации.

Анализируя законодательство о рыболовецком промысле, К.М. Бер приходит к выводу, что в течение XVIII в. закончилось законодательное оформление прав владений ловлями и обеспечения рыбаков, в то время, как экологии промысловой деятельности уделялось недостаточное внимание [6, С. 502.].

Таким образом, представления государства и владельцев ловель о рыболовецком промысле в XVIII в. эволюционировали от аренды ловель до фактического предоставления их в частную собственность.

Лов рыбы в Псковском крае велся как в крупных озерах (Псковском, Теплом и Чудском) и реках (Великая), так и в мелких реках и озерах.

Все места, пригодные для ловли рыбы на берегах рек и озер, были поделены на участки, которые в окладных книгах называются ловли. В качестве ловель могли выступать как один водный объект (река или озеро), так и несколько: озера, озеро с реками, несколько рек. Так, в Опочечком уезде по данным окладной книги 1729 г. большинство рыбных ловель были расположены в озерах с разными сочетаниями других видов водных угодий: озерах и озерах (4), в озерах (2), в озерах с реками и озерами (2), в реке (2), а так же в озере с рекой [2, С. 2 - 2об.]. В Пусторжевском уезде в 1731 г. было зафиксировано 17 ловель, 8 из которых включали в себя озеро "с другими ловлями", 3 - одно озеро, 2 - два озера "с другими ловлями" и по 1 ловли - одну реку, несколько рек, несколько озер, озеро с реками [1, Лл. 10 об. - 13, 15 об. - 16.]. В пригороде Изборск в 1740 г. было зафиксировано 4 ловли, которые состояли из реки, нескольких рек, нескольких озер и озера с реками. В Изборском уезде 1740 г. из 10 ловель 6 располагались в озере, 3 - в озере с рекой и 1 - в реке [4, Лл. 7-8 об.]. По данным окладной книги 1732 г. недоимки с рыбных ловель за 1724 - 1731 гг. числились на 6 ловлях 5 из которых располагались в реках (Великая, Яблонь и Рождествиха) и 1 ловля была в исаде Замашье [3, Лл. 19 об. - 21.]. В Псковском уезде в 1732 г. недоимки были зафиксированы с 19 ловель 6 - ти засад, большинство из которых (11) располагались в Псковском озере. В нем было зафиксировано 6 голомянных ловель, 4 ловли в исадах и 1 ловля без указания на место расположения в этом озере. Из оставшихся 8-ми ловель 5 располагались в 1 реке, 2 - в Иозере и место расположение 1 не установлено [3, Лл. 91 об. - 95 об.]. В окладной книге 1732 г. самостоятельный учет велся для Заклинской губы. Недоимки в ней возникли в 32 ловлях. Из них недоимка числилась на 2 ловлях, в которые входило по 1 реке, на 1 тони, 1 "пустой объезжей плывущей воде", 1 ловли в нескольких реках, 1 ловли в нескольких озерах, 1 ловли в нескольких озерах и реках, 1 ловли (без дополнительных указаний) и 2 исадов. В Куленской губе недоимки состояли на 3 ловлях в нескольких реках, 2 ловлях под погостом и

деревней (видимо тоже в реках), а так же в нескольких реках и нескольких озерах. В Колпинской губе большинство ловель располагалась в исадах Псковского озера (3) и в его голомянных ловлях (10), были ловли и в реке и в исаде на реке [3, Лл. 51 - 60.]. Очевидно, что сочетаний водных объектов в ловлях зависели от водных ресурсов данного района.

Мелкие речки и озера отдавались на оброк либо полностью, либо по частям, что в окладных книгах фиксировалось такими терминами как "четверть озера", "треть озера" или "пол озера". Так, в Пусторжевском уезде в 1731 г. было зафиксировано 3 ловли, в состав которых входили части водных массивов. Это ловля Василия Конюхова (крестьянина Алексея Федоровича Сумарокова) в Полицком стане с трети озера Полисто с озера Цевла и с другими рыбными ловлями (оклад 5 руб. 59 1/2 коп.), ловля Анана Кирилова Полякова (старосты Гаврилы Ивановича Нестерова) из деревни Солово Подгородского стана в трети озера Полистова (3 руб. 57 1/2 коп.) и ловля Ивана Матфеева сына Зубатова в Кудеревском стане с полуозера Березова и с другими рыбными ловлями (50 коп.) [1, Лл. 10 об. - 12.]. В Завелицкой засаде по данным окладной книги 1732 г. на стороже Изборской приказной избы Иване Ефремове числилась недоимка в размере 6 руб. 25 1/2 коп. с ловли в состав которой входили озера Островок, Кипелово, Деменцово, Кряковское и Будановское, полуречка Снимица и речка Островлянка, Светлое и Черное, Колесовское и Долгово. В Колпинской губе недоимка с ловли в исаде с Немолвы реки с половины до Ситья, что у озера на берегу в размере 10 руб. 61 коп. числилась на Воскресенском крестьянине Сидоре Николаеве, проживавшем в деревни Курокши.

Обычно ловли арендовал один человек. Но они могли находиться и в совместном пользовании, на что указывает перечисление нескольких арендаторов, примечание "с товарищи", а так же указание количества жребиев. Так, в Опочечком уезде в 1729 г. рыбную ловлю на озере Симовдов с озерами арендовали посадские люди Василий Максимов, Ефим Андреев и Илья Докучаев и платили оброк в размере 1 руб. 88 3/4 коп. [2, Л. 2 об.]. В Изборске в 1740 г. в совместном владении находились ловли, которыми пользовались крестьяне Гремячего монастыря Терентий Осипов и Петр Семенов, проживавшие в деревни Голубово [4, Л. 6.]. В совместной аренде находились и ловли крестьян Степановского монастыря с Луга, которые были оформлены на Лаврентий Максимова "с товарищи" [4, Л. 6.]. В Завелицкой засаде в 1732 г. недоимка числилась на посадском человеке Кондратие Зуеве, платившем оклад в размере 3 руб. 12 1/2 коп. в год с ловли в Колпинской губе "с пол общей воды от Множеского острова вниз к Чудному озеру по правую сторону до Кобыльского уезда". Посадский человек Кондратий Зуи задолжал 3 руб. 11 1/2 коп. с "рыбной ловли в пол общей воды", а недоимка в размере 1 руб. 70 3/4 коп. с "рыбной ловли с двух жребиев" состояла на Ильинском крестьянине Трофиме Борисове из деревни Кулиско. Ловлю в Куленской губе у берегов деревни Подмогилье арендовал Печерский крестьянин Семен Борисов с товарищами. Недоимка в размере 34 руб. 95 3/4 коп. числилась на подьячем Корниле Шестакове с "четвертого жребия" в исаде Орлов [3, Л. 92 об.].

Арендаторы могли пользоваться и несколькими рыбными ловлями. Так, в Завелицкой губе Афанасий Шишанов платил с двух ловель: на р. Лисовица, притоке р. Великой в ее дельте, и на р. Каменке, которая так же располагается в районе дельты р. Великой. С р. Лисовицы он платил 1 руб. 9 коп. ежегодно (общий размер недоимки - 2 руб. 18 коп.), а с р. Каменки - 9 руб. 65 5/8 коп., задолженность образовалась только за 1724 г. [3, Л. 51.].

Исторически сложилось так, что в больших озерах обычно отдавалась ловля в прибрежной линии без фиксации ее протяженности вглубь озера. Но по мере развития рыболовецкого промысла, возникла необходимость увеличить количество ловель, что коснулось, прежде всего, крупных озер. Это привело к появлению голомянных рыбных ловель, которые не имели прибрежной линии и располагались в глубине озера. Е. В. Салмина по данным остеологических останков относит их появление к XIII в., в первые упоминания о них в письменных источниках относятся к XVI в. [25, С. 179.]. В XVIII в. количество таких ловель в крупных озерах (прежде всего в Псковском и Чудском) было значительно. Так, по данным окладной книги 1732 г. из 32 неплательщиков оклада в Завелицкой засаде Псковского уезда 10 пользовались

голомянными рыбными ловлями (31 %) [3, Лл. 51 - 60.]. Из 19 ловель в 6-ти засадах Псковского уезда голомянными были 6 (32 %) [3, Лл. 91 об. - 95 об.]. Так же, недоимка возникла на 24 жерниках, ловивших в голомянных ловлях Завелицкой засады (67 %) и на 13 жерниках 6-ти засад Псковского уезда (46 %) [3, Лл. 60 об. - 63 об., 96 об. - 98 об.].

Иногда участки для ловли рыбы именовались тонями. По данным окладной книги 1732 г. в г. Пскове с тони в Великой реке недоимка в размере 25 руб. 49 коп. (за 1724 - 1731 гг.) числилась на псковитине посадском человеке Никите Норкине [3, Л. 19.]. Причиной возникновения недоимки стала смерть арендатора в моровое поветрие 1710 г., после чего ловлей никто не владел. В Завелицкой засаде на дворцовом крестьянине Иване Григорьеве, проживавшем в деревне Малой Листовице Никольской Устинской губы числилась недоимка за 1724 г. в размере 4 руб. 39 1/4 коп. с тони в р. Великой под Каменкой [3, Л. 51.], а в Мыслогостицкой губе недоимка за 1724 - 1727 гг. - 2 руб. 13 коп. с тони "на другой стороне Гдовки реки на озере на берегу" числилась за крестьянином Саввой Шишовым, проживавшим в деревни Пахомовщине [3, Л. 176 об.].

Ловли могли называться и по используемым в них орудиям лова - "сежи", "езы", "колы" (перегородные орудия лова). Обычно орудия лова такого типа применялись на небольших реках и озерах и могли перегораживать их полностью. Е. В. Салмина отмечала, что в средневековый период они были распространены только на р. Нарове и в Гдовском уезде, в котором по письменным источникам конца XVI в. фиксировалось 30 "езов", 13 "сеж", 1 "кол" [26, С. 17.]. В окладных книгах XVIII в. ловли такого типа нам не встретились.

Другим способом организации промысла было объединение промысловиков в исады - рыболовецкие селения на берегах озер и рек. По подсчетам Е. В. Салминой в средневековье в Псковском крае существовало около 112 исадов [26, С. 17.]. Исады она разделила на 3 типа. Первый, - когда исад совпадал с определенным поселением, которое могло иметь статус погоста, даже малого городка (Кобылье, Мда, Рудница и др.). К ним была приписана определенная облавная площадь, иногда имелась пристань. Здесь проживали (реже - приезжали) рыбные ловцы и лица, которым исад был отдан на оброк (это не всегда были сами рыболовы) [26, С. 18.].

В исадах второго типа "присутствовали только дворы рыбных ловцов. Никакого иного поселения - села, деревни, погоста - там не отмечено. Иногда рыбные ловцы проживали там постоянно, имели пашни, пожни, огороды. Иногда же дворы на исаде присутствовали, но рыболовецкие артели проживали там лишь в зафиксированных отрезках собственно рыболовецкого сезона или даже ловили "наездом" [26, С. 18.].

В исадах третьего типа ловцы не проживали, а приезжали с соседнего рыболовецкого поселения. В качестве жилья они могли использовать временные домики.

Помимо типологии исадов как промыслового поселения, Е. В. Салмина выделила общие ландшафтно-географические характеристики исадов. Она отмечает, что практически все они были расположены не только в местах удобного лова рыбы, но и в местах удобной транспортировки, что было связано с необходимостью транспортировки уловов. Большинство исадов на западном берегу Псковского озера были расположены на "всхолмлениях над "плоскими" участками озера", где были небольшие протоки или ручьи, что она связывала с необходимостью удобных выходов к воде, а так же с необходимостью во время ледохода поднимать лодки на высокий берег. Большая плотность исадов на западном берегу Псковского озера объясняется ходом вдоль него рыбы на нерест [26, С. 18.].

На территории Псковского края применялись различные способы лова. Но, по данным письменных источников, наибольшее распространение получила ловля неводом, который использовался почти повсеместно. По данным Е. В. Салминой, в средневековом Пскове неводы соотносились с другими видами сетей как 83 % и 17 %. Это связано с тем, что невод, процеживающий участок водоема, дает наиболее стабильный улов [27, С. 337.]. Использование неводов в качестве основного орудия лова свидетельствует о коллективном труде рыбных ловцов. По данным окладных книг в XVIII в. невод являлся окладной единицей. В некоторых случаях упоминаются жерники - управляющий рыбной ловлей. Описание неводов

содержится в работе И. И. Василева "Краткий очерк Псковского (Талабского) озера" [8] По данным И. И. Василева в ловле рыбы неводом участвовали хозяин невода, управляющий ловлей (жерник) и рабочие. Лошадь и 2 рабочих составляли 1 гнездо, а в целом "совокупность этих сил называется дружиною" [8, С. 341.]. Количество работников в артели для ловли неводом зависела от времени лова. Так, зимой для подледного лова неводом (большим запасом) требовалось от 16 до 25 человек [28, С. 523.]. Весной лов продолжался от вскрытия озер и рек до спада воды. В это время ловили рыбу волоком, для чего требовалось 9 человек. Летом лов с 1 августа до 1 сентября велся неводом (большим запасом), для чего требовалось до 15 человек. С 8 сентября по 29 октября рыбу ловили мутником и преимущественно ночью. В это время в запасе находилось 8 и 9 человек [14, С. 70,71.].

По сведениям И. И. Василева, оплата рабочим - ловцам производилась долей наловленной рыбы. В конце рабочей недели (по субботам), когда было известно количество выловленной за неделю рыбы. Добыча делилась сначала пополам, и одна половина шла в пользу хозяина или владельца невода, а другая делилась поровну между рабочими. Если хозяин запаса был еще и жерником, то из половины для рабочих дополнительно ему выделялась еще 12-я часть. Зимой владельцу запаса выделяли треть от улова [8, С. 346.]. Такую высокую долю владельцу невода И.И. Василев объяснял высокой ценой невода, который во второй половине XIX в. стоил до 800 руб., а срок его годности был 1 год [8, С. 340.]. При этом, по крайней мере, жители Талабского озера сами снасти плели редко, а больше покупали у промышленников Осташковского уезда Тверской губернии (как за деньги, так и в обмен на снеток) [8, С. 341.].

Помимо неводов применялись и другие приспособления для лова. Так, в бассейне Псковско-Чудского водоема широко использовались сетные каркасные (мережи и подволоки) и прутьевые (верши) ловушки. Так же широко применялись и стационарные ловушки (запоры и преграды), которые были наиболее продуктивны во время нерестового хода рыбы в Псковско-Чудском бассейне. По мнению Е. В. Салминой, преграды, где в запорные системы включались каркасные ловушки, встречались не столь часто. На Псковском озере из них применялись подволоки [26, С. 14].

На р. Нарове использовались различные варианты стационарных ловушек: это езы (перегораживали всю реку) и сежи (перегораживали часть реки). Часто рыбу, попавшуюся в эти ловушки, выбирали волоком.

По данным писцовых книг, в рыбной ловле населения Псковского края применялись и индивидуальные орудия лова - остроги, уды и переметы, которые были распространены, в основном, на восточном побережье Псковского и Чудского озер [26, С. 19.].

Состав лова был достаточно богатым это и речная и озерная рыба (сом, судак, сиг, лещ, щука, налим, язь, плотва, голавль, мерена, ряпушка, уклея, елец, окунь, ерш, угорь и вьюн). Наибольшую промысловую ценность получили псковский снеток, ерш и псковский судак. Псковский снеток продавался за пределами Псковского края, а в XIX в. шел даже на экспорт. Судак высоко ценился в Петербурге. А ершей использовали в пищу местное население. На устье р. Наровы ловили исключительно угрей [26, С. 19.].

По данным окладных книг XVII в. нарвская угревая ловля была наиболее рентабельным объектом из всех псковских ловель. Ее доходность в 3,2 раза превышала другие крупные ловли [19, С. 9.]. Ее промысловое использование в XVII в. было организовано следующим образом. По сведениям Э. Л. Моппеля, нарвская угревая ловля делилась на 2 части: собственно угревую и приписную ловли. Угревую ловлю сдавали откупщикам, которые сдавали ее подрядчикам (рыбные ловцы). Подрядчики, на время сезона ловли, проживая в специальных дворах, организовывали лов (размещали езы и волоки) угрей. Для обслуживания рыбаков могли наниматься люди, занимавшиеся приготовлением пищи, сушкой одежды, заготовкой дров и т. п. Приписные ловли отдавались исадским ловцам, которые отдавали откупщикам часть улова или прибыли [19, С. 10.].

Многочисленные заколы препятствовали плаванью по р. Нарове, о чем в 1772 г. поступили многочисленные жалобы от купцов на имя Я. Е. Сиверса. Он распорядился уничтожить заколы

на берегах Наровы со стороны Новгородской губернии. Но на противоположном (эстляндском) берегу уничтожить заколы он не мог, поэтому и Я. Е. Сиверс обратился в Сенат о необходимости указа, который бы предписал уничтожение заколов по судоходным рекам [17, С. 240.].

В ведомостях Опочецкой воеводской канцелярии за 1729 г. содержатся данные о сборах с рыбных ловель в Опочецком уезде. Здесь рыбные ловли числились за 2 помещиками и 1 помещицъей вдовой, 2 чиновниками (подьячий и площадный подьячий), 2 церковными служителями, солдатом, отставным казаком, 3 посадскими людьми и церковным крестьянином. Всего в Опочецком уезде в 1729 г. было зафиксировано 11 ловель, оклад с которых платили 13 человек. Всего с рыбных ловель в Опочецком уезде было собрано окладных денег 26 руб. 1 $\frac{3}{4}$ $\frac{1}{8}$ коп.

Наибольший оклад состоял на помещиках Иване Васильеве сыне Бочкине (с озера Худа над Войреческим погостом с озерцами - 4 руб. 38 $\frac{1}{4}$ коп.) и Степане Михайлове сыне Бухвостове (с озера Худа с озерцами 4 руб. 32 $\frac{3}{4}$ коп.) [2, Л. 2.]. Покровский крестьянин Афонасей Иванов из Черемичина погоста платил 2 руб. 58 $\frac{3}{4}$ коп. с озера Черного и речки Черняцы. Подьячий Амбросий Лапин платил оклад в размере 2 руб. 6 $\frac{1}{8}$ коп. с ловли в озере Толочна с озерами и реками. Наименьший оклад в Опочецком уезде в 1729 г. состоял на пономаре церкви Святого Преподобного Сергия Федоре Лапине, который платил 32 $\frac{3}{4}$ коп. с озера Камена [2, Л. 2 об.]. Размер окладов остальных плательщиков колебался от 1 руб. 38 $\frac{3}{4}$ коп. до 1 руб. 88 $\frac{3}{4}$ коп. [2, Лл. 2 - 2 об.].

Ловли могли арендовать и жители других уездов. Например, с ловли в озере Водолотцы с озерами Опочецкого уезда оклад в размере 2 руб. 52 $\frac{1}{2}$ коп. платила вдова помещика Пусторжевского уезда Федора Ешкова Авдотья Матвеева дочь [2, Л. 2 об.].

В ведомостях Пусторжевского уезда Заволочской канцелярии представлены сведения о фактическом поступлении сборов с рыбных ловель с населения Пусторжевского уезда в 1731 г. Оклад был взят с 17 рыбных ловель, которыми владели 17 человек: 4 помещика, чиновник, поп, ямщик, выборной староста монастыря, помещицкий приказчик, помещицкий староста деревни, 4 помещицких крестьянина и 3 дворовых человека.

Большинство зафиксированных ловель этого уезда находились в Оршанском, Кудеревском и Подгороднем станах (по 3 ловли). В Полицком и Утрехтском станах было по 2 ловли, в Красном и Омянском - по 1-й. Расположение 2-х ловель установить не удалось.

Интересно то, что в качестве плательщиков оклада с рыбных ловель Кудеревского стана были отмечены помещики Иван Матвеев сын Зубатой (оклад 50 коп. с ловли с полуозера Березова с речками), Ульян Яковлев сын Бороздин (оклад 1 руб. 1 коп. с ловли в озере Демине с другими рыбными ловлями) и Иван Карпов сын Зубатой (оклад 85 коп. с ловли в озере Дольгове, которое над деревней Самково, и с другими рыбными ловлями) [2, Лл. 12 об. - 13.].

В целом, наименьший оклад в размере 37 коп. платил Иван Лукочевский человек Бригара Степановича Елагина с ловель в озере Темные воды в Камковском Бору, а наибольший - 5 руб. 59 $\frac{1}{2}$ коп. - крестьянин Алексея Федорова сына Сумарокова Василий Конюхов с трети озера Полиста и озера Девла и с другими рыбными ловлями [2, Лл. 10 об. - 11, 12 об. - 13.].

В 1740 г. в пригороде Изборск в аренде находилось 5 ловель. Ими пользовались 3 крестьянина Гремячего монастыря, крестьяне Степановского монастыря с Луга, крестьянин Мальского монастыря и дворовой человек Александра Неелова. 9 ловель были переданы другим арендаторам с условием наддачи. Прежние владельцы ловель не указаны, приводятся лишь сведения о новом арендаторе (имя, статус, место жительства), месте расположения ловли, размере прежнего оклада, наддачи и взимаемых налогов. Новые лица получили ловли, располагавшиеся в озере (5), в озере и реке (2), в нескольких озерах (1) и одной реке (1). Это 3 помещицких дворовых, 2 монастырский крестьянина, церковный крестьянин, крестьянин вотчины Псковского архиерейского дома, поп и дворянин. Размер наддачи колебался от 2 коп. до 5 коп. и не зависел от размера оклада. В процентном соотношении наибольшая наддача состояла на крестьянине Изборского Александровского монастыря Лаконской губы деревни Бенева Ерофея Милентиева (оклад - 2 коп., наддача - 3 $\frac{1}{4}$ коп., то есть 163 %) и попе Рождественского

девичьего монастыря Афанасии Тимофееве (оклад - 2 коп., наддача - 2 коп., то есть 100 %). Наименьшая наддача в размере 3 коп. (6 %) с оклада в 50 коп. числилась на Мераупе Никитине, крестьянине деревни Замочье из волости Невского монастыря.

В окладной книге за 1732 г. приводятся сведения о задолженности псковичей по окладным сборам с рыбного промысла за 1724 - 1731 г. и причинах ее образования. Задолженность среди городского населения была зафиксирована для 6 посадских. Это владельцы рыбных ловель в разных участках р. Великой. Относительно близко от Пскова находились рыбные ловли посадского человека Никиты Норкина (тона Косицкая, по течению реки ниже Снеготорского монастыря), Кондратия Зуева (Яблонец), Гура Саблина - ловля на притоке Великой р. Рождествихе (выше города). Ближе к устью р. Великой, при выходе ее к восточному берегу Псковского озера, в исаде Замощье было владение Захара Пастухова. Владения Пимина Матандина и Захара Пастухова были расположены на р. Великой, без указания на их точное расположение. Наибольшая задолженность (25 руб. 49 коп.) числилась на Никите Норкине, который умер в моровое поветрие в 1710 г. В 1720 г. умерли Захар Пастухов и Пимин Матандин, а наследников после них не осталось. Размер их оброка соответственно равнялся 6 руб. 9 5/8 коп. (общий размер - 12 руб. 19 1/4 коп.) и 3 руб. 12 1/2 коп. в год (общий размер - 15 руб. 62 1/2 коп.). Ловлю Пимина Матандина взял во владение Андрей Христолов, который из-за сложного материального положения ("за скудостью ево") оброк платил не во все годы и даже пытался уклониться от уплаты налогов, заявляя, что он не является владельцем этой ловли ("якобы он не владеет"). Причины образования задолженности по налогам с рыбных ловель Кондратия Зуева, Захара Пастухова и Гура Саблина не выяснена администрацией. Размер их недоимки составлял 2 руб. 85 коп. в год (общий размер - 2 руб. 85 коп.), 92 1/2 коп. (общий размер - 92 1/2 коп.) и 41 1/4 коп. в год (общий размер - 1 руб. 45 коп.) соответственно.

Помимо рыбных ловцов в источниках фигурировали и рыбные промышленники г. Пскова. Это владельцы собственной снасти, которые сдавали ее артелям или арендаторам озер, как за денежную плату, так и за долю улова [13, С. 75.]. С них так же собирался оклад. В окладной книге за 1732 г. зафиксированы 148 рыбных промышленников г. Пскова, с которых возникла недоимка в размере 192 руб. Все они умерли в моровое поветрие 1710 г. и наследников после них не стало. Размер их оброка составлял 16 коп. и платился с количества имеющихся у них неводов. В этой ведомости Захар Норкин зафиксирован как рыбный промышленник, который умер в 1710 г. В качестве рыбных промышленников зафиксированы не только посадские люди, но и Троицкий бобыль Семен Лукин, дворцовый бобыль Иван Деинов и дворцовый человек Ларион Ефтифьев, Ильинский бобыль Трофим Осипов.

В Завелицкой засаде в период с 1724 - 1731 г. зафиксированы недоимки с рыбных ловель с 31 человека, из которых 9 человек были из Завелицкой губы, 7 - из Кулеской губы, а 15 - из Колпинской. Общий размер недоимки составил 346 руб. 34 1/4 коп.

В Завелицкой губе ловли арендовали дворцовые крестьяне (2), монастырские крестьяне (3), владельческие крестьяне (2), сторож Изборской приказной избы и 1 помещик. Так, помещик Афанасий Шишин арендовал 2 ловли Завелицкой губы, в то время как в Кулеской губе как арендаторы ловель были зафиксированы 2 его человека.

В Кулеской губе в качестве должников зафиксированы 7 человек, среди которых были посадский человек, поп, Печерский крестьянин и 4 владельческих дворовых человека.

В Колпинской губе числилось 15 недоимщиков, из которых 6 были дворцовыми крестьянами, 5 - монастырскими, 2 - помещичьими, 1 - посадским человеком и 1 - помещичьим человеком.

С рыбных ловель 6-ти засад недоимка числилась на 19 арендаторах, 7 из которых были дворцовыми крестьянами, 6 - монастырскими крестьянами, 2 - помещичьими людьми, посадским человеком, подьячим, помещичьим и церковным крестьянами.

В ведомостях Заволочьской канцелярии Пусторжевского уезда за 1728 - 1731 г. были зафиксированы как задолженности местного населения по налогам, так и фактическое поступление окладных денег с населения. Так, по сведениям источника в 1728 г. с рыбных ловель

50 коп. платил только поп погоста Сехни Михаил Силин Оршанский [1, Лл. 1 об. - 2.]. Такой же размер недоимки с рыбных ловель был зафиксирован в феврале 1729 и марте 1730 гг. [1, Лл. 6 об. - 7, 8 об. - 9.]. Причины их появления в источнике не указаны.

По данным окладных книг можно выяснить принадлежность арендаторов рыбных ловель, что позволит судить о распространенности рыбного промысла среди зависимого населения. Так, в Опочечком уезде в 1729 г. 3 арендатора - крестьяне церковью Покрова, Святого Апостола и Святого Преподобного Сергия; а 2 - помещиков Степана Михайловича Бухвостова и вдовы Федора Ешкова Авдотьи Матвеевны Ешковой [2, Лл. 1 - 11.].

В Пусторжевском уезде в 1731 г. арендаторами рыбных ловель были крестьяне 9 помещиков (Якову Ильичу Нащекину, Алексею Федоровичу и Михайле Ивановичу Сумароковым, Савелию Ефимовичу Мавсину, Гавриле Ивановичу Нестерову, Агафону Исаевичу Дубровскому, Богдану Терентиевичу и Бригарю Степановичу Елагиным и Игнату Фомичу Назимову), Николаевского мужского монастыря и церкви погоста Велка [1, Лл. 10 об. - 13, 15 об. - 16.].

В пригороде Изборск в 1740 г. 5 арендаторами были крестьяне Гремячего (3), Степановского с Луга (1) и Мальского (1) монастырей. 1 арендатор был крестьянином помещика Александра Неелова [4, Лл. 1 - 5.]. В Изборском уезде по 3 арендатора были крестьянами помещиков Моисея и Григория Бешенцовым и Александра Невскому (2) и Рождественского девичьего (1) монастырей. По 1 арендатору были крестьянами церкви Козьмы и Дамиана с Лакуна и псковского архиерейского дома [4, Лл. 7 об. - 8 об.].

Среди 32 должников по окладу с рыбных ловель Завелицкой засады Псковского уезда в 1732 г. числилось 27 человек, принадлежавших разным владельцам. Так, в Завелицкой губе арендаторами рыбных ловель были крестьяне Гремячего и Печерского монастырей, церкви Михаила Архангела с Большой Улицы и помещиков Андрея Вельяминова и Александра Неелова. 2-е были дворцовыми крестьянами. В Кулеской губе арендаторами ловель были крестьяне Печерского монастыря (1), церкви (нет названия) (1), помещиков Семена Еремеева (1), Ивана Вельяминова (1) и Афонасия Шишкина (2). В Колпинской губе 6 арендаторов были крестьянами Воскресенского со Стадища (2), Спаса Мирожского (2), Степановского с Луга и Ильинского монастырей. 2 - е были крестьянами помещиков Мины Грובה и Петра Сеславина. 6 - были дворцовыми крестьянами [3, Лл. 51 - 60.].

Среди рыбных ловцов Завелицкой засады недоимка числилась на 5 помещичьих ловцах (люди Кондратия Бухвостова, Ивана Дубровского, Ивана Обедова, Петра Сеславина и Григория Щербинина) и 4 дворцовых крестьянах Завелицкой губы. В Каменской губе 6 ловцов были крестьянами помещиков Ивана Дубровского, Семена Еремеева, Ивана Окунева и Родиона Чернина (3) и 21 - крестьяне Печерскому (10), Снеогогорскому (5), Зачетенскому (4) и Воскресенскому со Стадища монастырей [3, Лл. 60 об. - 63 об.].

В остальных 6-ти засадах Псковского уезда недоимка числилась на 7 дворцовых крестьянах, 6 - ти монастырских людях (5 - Печерского и 1 - Снеогогорского), 3 помещичьих (Ивана Тимофеевича Дубровского, Ивана Нилова и Семена Харламова) и 1 крестьянине церкви Петра и Павла с Буя [3, Лл. 91 об. - 95 об.].

Недоимка числилась на 11 монастырских ловцах (5 - Воскресенского со Стадища, 3 - Печерского, 2 - Юрьевского и 1 - Степановского с Лугу), 8 дворцовых, 7 помещичьих (3 - Михаила Лаврова, 2 - Нестера и Осипа Нееловых, 1 - Ивана Щелбыкина и 1 - Ивана Ушакова), а так же на ловцах Троицкого собора и церкви Козьмы и Дамиана с Запсковья [3, Лл. 96 об. - 98 об.].

Из рыбных промышленников 6-ти засад Псковского уезда в 1732 г. недоимка по окладу числилась на 92 дворцовых крестьянах, 22 монастырских промышленниках (14 - Степаноского с Луга, 7 - Печерского и 1 - Елизаровского) и 2 помещичьих (Петра Сеславина и Ивана Ушакова) [3, Лл. 99 об. - 103 об.].

Таким образом, большинство промыслового населения принадлежали Дворцу, церкви или помещикам. При этом, рыболовные владения Дворца были распространены в основном на территории Псковского уезда, что, очевидно, было связано с наличием здесь таких крупных водоемов, как Псковское и Чудское озера. Е. И. Индова отмечала, что в Псковском крае в

XVIII в. дворцовые владения в основном сдавались в аренду крестьянам, что согласуется с данными окладных книг, где дворцовые крестьяне зафиксированы в качестве арендаторов рыбных ловель и рыбных промышленников [12, С. 272.].

Крупными владельцами ловель и промыслового населения были монастыри (Печерский, Воскресенский со Стадища и Степановский с Лугу), в меньшей степени церкви. Владения крупных монастырей по данным окладных книг были так же сосредоточены в районе Псковско-Чудского водоема. За Псково-Печерским монастырем до 1764 г. числились следующие ловли: исад большого Тросна, исад Дубицы, исад Колпино, исад Ветлицы, Любницы, исад Кулье да Подмогилье, исад Горки, рыбная ловля против Верхнего острова, исад Рожитса, исады Лисья и Кукки, исад Будовижи, исады Большая и Малая Лудва, исад Метеша, исад Отсадно, ловля в селе Логозовичах в р. Каменке, исад Семско [7, С. 111.]. Так, во "внутренних" территориях Псковского края ловлями владели такие монастыри как Александра Невский, Гремячий и Степановский с Лугу. Так же значительна была доля монастырских рыбных ловцов и промышленников.

Распространение владения рыбными ловлями среди помещиков Псковского края было равномерным. Их ловли располагались как в Псковском и Чудском озерах, так и во "внутренних" территориях края. Количество арендаторов ловель, принадлежавших помещикам, было значительно меньше, чем дворцовых или церковных, но о заинтересованности помещиков в развитии рыболовного промысла среди своих крестьян говорит тот факт, что зачастую помещики сами выступали в качестве арендаторов ловель.

Итак, рыбный промысел являлся постоянным занятием населения Псковского края вследствие его доступности. Широкое распространение рыболовства говорит о его высокой рентабельности.

Литература

1. ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 60.
2. ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 84.
3. ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 141.
4. ГАПО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 263.
5. Аристов Н. Промышленность Древней Руси. - СПб., 1866.
6. Бер К.М. Материалы по истории рыболовства в России. - СПб., 1871.
7. Болховитинов Е. Описание Псково-Печерского первоклассного монастыря//Святые и древности Псковского уезда/Сост. Н. Ф. Левин. - Псков, 2006.
8. Василев И.И. Краткий очерк Псковского (Талабского) озера//Святые и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам/Сост. Н. Ф. Левин. - Псков, 2006.
9. Данилевич Н.Я. Описание рыболовства в Северо-Западных озерах. - СПб., 1875.
10. Евлентьев К. Г. Записка об Александровском посаде Псковского уезда в его промысловом и других отношениях//Святые и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам/Сост. Н. Ф. Левин. - Псков, 2006.
11. Зеленин Д.К. Славянская этнография. - М., 1999.
12. Индова Е.И. Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII в. - М., 1964.
13. Историко-этнографические очерки Псковского края. - Псков, 1999.
14. Князев М. О сетковом промысле//Памятная книжка Псковской губернии на 1863 г. - Псков, 1863.
15. Куза А.В. Место и значение рыболовства в истории хозяйства восточных славян//Этническая история и современное развитие народов. - М., 1967.
16. Куза А.В. Развитие рыболовства в Восточной Европе//Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований в 1965 г. - М., 1966.
17. Лебедев В.Б. XVIII в.//Летопись земли Псковской: годы и события. (В печати).
18. Лобанов Н.А. Пища жителей средневекового Пскова//АИППЗ. - Псков, 1988.
19. Моппель Э.Л. К вопросу о формировании и использовании "четвертного оброчного фонда" промысловых и сельскохозяйственных угодий Псковской земли в XVII в. //Северо-запад в аграрной истории России: Межвузовский сборник научных трудов. - Калининград, 2001.
20. Моппель Э.Л. О некоторых особенностях учета формирования "псковских денежных доходов" в

XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион: материалы научно-практического семинара. - Вел. Новгород, 2006.

21. Моппель Э.Л. Псковские приходно-расходные книги как исторический источник // АИППЗ. - Псков, 1988.

22. Очерки истории русской культуры. XIII-XV вв. - М., 1968.

23. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества/ред. В.П. Семенова. - Т. III. - Озерная область. - СПб., 1900.

24. Сабанеев Л.П. Исконно русская рыбалка. Жизнь и ловля пресноводных рыб. - М., 2006.

25. Салмина Е.В. Динамика изменений в составе рыбных уловов в средневековом Пскове (по результатам изучения остеологических материалов) // Древности Пскова: археология, история, архитектура. - Псков, 1999.

26. Салмина Е.В. Рыболовство средневекового Пскова и Псковской земли (XII - XVII вв.). Автореф. дис. ... соиск. учен. степ. канд. ист. наук. - Псков, 1998.

27. Салмина Е.В. Рыболовство средневекового Пскова по данным археологии // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. - Т. 2. Славянский средневековый город. - М., 1997.

28. Строкин Н.А. Рыбный промысел на Псковском озере // Вестник Псковского губернского земства. - 1887. - № 13.

29. Талабские острова. - Псков, 1892.

30. Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянов Н.А. Земледелие и промыслы // Древняя Русь: город, замок, село. - М., 1985.

К.Б. Жучков

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ЛУАЗОНА: К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ДЕКАБРЕ 1812 г.

Разгром наполеоновских полчищ в России вызвал среди современников споры по поводу его причин. Еще не затихли сражения на полях Европы, когда французские мемуаристы выдвинули версию о гибели французской армии от русских морозов. Аргументы этой версии мало разнообразны и сводятся лишь к цитированию воспоминаний участников похода и первых его историков. Считается, будто утверждения "очевидцев" являются неоспоримым доказательством в решении этой и других проблем.

Одним из самых наглядных аргументов концепции природных факторов поражения Наполеона являются сообщения французских мемуаристов о гибели дивизии генерала Луазона. По этой версии, комплектная дивизия, двигаясь из Вильно навстречу отступавшим остаткам французской армии, прибыла 6 декабря в Ошмяны, где должна была задержать русское наступление, и в три дня перестала существовать от морозов. "Генерал Луазон привел из Кенигсберга десять тысяч человек, в большинстве рекрутов из Германии... Четыре дня спустя, не участвуя ни в одном сражении, они почти полностью исчезли от морозов и истощения" - одним из первых французов утверждал Бретон де ла Мартиньер [9, 79].

Это утверждение стало общим местом в начальной французской историографии [20, 365; 19, 317; 21, 105; 23, 251]. Самый популярный писатель о русском походе и "очевидец" событий, Сегюр заявлял: "Что касается Луазона с его дивизией и Виленского гарнизона, которые помогли нам со Сморгони, то за три дня холод уменьшил 15 тысяч человек до трех тысяч" [27, 427]. В описании похода сюжет с дивизией Луазона становится настолько само собой разумеющейся деталью, что в первой же наукообразной истории Шамбре уже использовал этот пример как стандартную иллюстрацию при описании бедствий французской армии от холодов. "Дивизия Луазона, которая составила арьергард в Ошмяне, и которая была в то время силой в 10 000 человек, потеряла 7 000 человек за три дня от обморожения" [15, 360]. Шамбре своим авторитетом освятил упомянутый им "факт" и окончательно утвердил его во французс-